

Собр. культуры, 1979, № 12

давайте объяснимся

ЗА ЧЕМ ПИСАТЕЛЮ ГОЛОС?

Теперь уже немало лет назад как-то сразу привлекли к себе внимание читателей работы Феликса Кривина. Привлекли осторотой и изяществом мысли, новой, довольно необычной для той поры формой. Впрочем, его образный прием уходит корнями, в некотором роде, на несколько тысяч лет назад, зато суть его работы попадает точнечко в сегодняшний день, а иногда даже и «запаздывает» вперед.

Но Феликсу Кривину повезло не только с читателями. Его работой сразу заинтересовались и «смежники». Кривин стал желанным «поставщиком» для театра, телевидения, мультиплекса, радио. А совсем недавно он появился и в новой ипостаси, обнаружив неожиданное даже для него самого дарование. Впрочем, предоставим слово нашей читательнице из Новосибирска Верне Григорьевне Суховой:

«Я всегда с большим удовольствием жду, когда напечатают очень интересного, остроумного писателя Феликса Кривина. Очень рада, что его печатают часто в журналах, газетах, книжки интересные выходят. А недавно мне повезло — я купила сразу две его пластинки. Причем он сам читает свои произведения. И я считаю, что это очень правильно, что писателей записывают на пластинки. Верно ведь?»

— Феликс Давыдович, «верно ведь»?

— Верно. Впрочем, в наше время это обычное явление: пластинок с авторским исполнением литературного произведения фирма «Мелодия» выпускает много. И в этом смысле писателям нынешним очень повезло по сравнению с литераторами прошлого. Есть у Михаила Светлова стихотворение о живущих где-то в космосе голосах тех, кто давным-давно умер на Земле. Эта мечта поэта осуществляется фирмой «Мелодия». Если бы такая возможность появилась на полторы сотни лет раньше, мы слышали бы в авторском исполнении произведения Пушкина, Достоевского, Тургенева...

— Вы придаете именно авторскому исполнению такое существенное значение?

— Несомненно. Ведь в какой-то степени, может, наполовину, на четверть, на одну десятую, писатель выражается в голосе. Почему так трудно дается слово на бумаге? Потому что оно лишенено на бумаге звучания.

Мне всегда не хватало голоса Лермонтова. Голоса других писателей я как будто представить могу, а вот Лермонтова, почему-то именно Лермонтова я совершенно не слышу. А вдруг именно поэтому я не слышу чего-то в его стихах очень важного, но не передаваемого на бумаге? Я хотел бы услышать голос Гоголя. Иногда юмор лучше всего передается интонацией, и, может быть, какая-то доля юмора Гоголя для нас утрачена навсегда... Я клоню к тому, что надо бережнее относиться к голосам писателей, живущих рядом с нами. Скажем, Михаил Афанасьевич Булгаков жил еще сравнительно недавно, и Лев Алексеевич Шиллов, ученый и литератор, посвятивший много лет собиранию и восстановлению голосов писателей, утверждает, что голос Булгакова был записан. Но этой записи нет, ее пока не нашли. Возможно, она попала в равнодушные руки. Так, в одном областном радиокомитете были стерты голоса Аркадия Райкина и Рокуэлла Кента. Уникальные выступления, которые журналистам удалось записать и за которые наши потомки отдали бы многие километры пленки, были стерты в целях экономии пленки. А ведь со временем голоса Райкина и Кента станут нашим культурным наследием.

— То, о чем вы говорите, можно назвать, с профессиональной точки зрения, преступлением. Но в противовес этому можно уверенно сказать, что делается все-таки немало.

— Несомненно. Собственно, с этого мы и начали наш разговор. Скажем, уже упомянутый Лев Алексеевич

венный, поскольку ты у всех на виду. Обратите внимание: мы всегда больше стесняемся того, что люди видят, чем того, что они слышат. Достаточно тоненькой стенки, отделяющей нас от соседей, и мы позволяем себе звучать так, как не решались бы, если бы нас было видно. Перед одним микрофоном автору легче быть самим собой, он может целиком уйти в голос, совершенно забыв о своей внешности. Ведь внешность не у всех такая, с какой можно выйти на широкую аудиторию. А к своему голосу мы относимся менее критично.

Ко мне эти мысли приходили частенько, когда я гляжу на телевизор. Я как-то слышал сказку о павлине, которого приняли за соловья. Некто услышал соловья и приписал ему внешность павлина. Однако в природе нет соловья с внешностью павлина. И наоборот. Но если только видеть или только слышать, можно остальное добавить воображением.

В этом преимущества грампластинки перед телевидением: она дает работу воображению. А как случится соловьиная внешность с павлинным голосом? Тут уже ничего не скроешь, не оставишь никакой надежды, что, может быть, в действительности это не так.

— Феликс Давыдович, но это уж слишком субъективно. По сравнению с книгой, у грампластинки то преимущество, что есть возможность услышать автора. По сравнению с телевидением — то преимущество, что есть возможность его не увидеть. Не слишком ли много преимуществ для грампластинки в ущерб другим средствам общения автора с аудиторией?

— Не слишком, если учсть, что сейчас речь идет именно о грампластинках. Когда мы будем говорить о книгах или телепередачах, мы и там найдем достаточно преимуществ. Нет преимуществ без потерь, и любое преимущество предполагает в чем-то потерю. Это надо очень точно учитывать. Книга не дает нам такой наглядности, как телевидение, кино и театр. Но зато она дает работу воображению. Телевидение лишает нас этой работы, но зато увеличивает достоверность, дает нам радость непосредственного общения.

В нашем диалектическом мире не существует абсолютных преимуществ и абсолютных потерь. Оборотная сторона медали изготавливается вместе с медалью, а не отдельно. Поэтому нужно повернуть к себе медаль лицевой стороной, а не конструировать медаль, оборотной стороны не имеющую. Это не имеет никакого отношения к грампластинкам, у каждой из которых обе стороны лицевые и в то же время обе оборотные. Поэтому выражение «у каждой медали есть оборотная сторона» должно быть дополнено: «у каждой медали, которая является грампластинкой».

— Но это преимущество грампластинки должно иметь свою оборотную сторону?

— В тех случаях, когда обе стороны у пластинки оборотные и ни одной лицевой. То есть в тех случаях, когда и одну-то сторону не хочется слушать.

— И естественный вопрос нашей читательницы: «Какая пластинка у вас сейчас в работе?»

— Сейчас в работе много пластинок, но не моих...

— К сожалению?

— С одной стороны. Но с другой стороны... В пластинах фирмы «Мелодия» столько интересных замыслов, что хочется, знаете ли, больше слушать других и меньше говорить самому.

— Позвольте расценить ваш ответ как деликатную шутку и остановиться на варианте — «к сожалению».

Беседу вел
Э. ГРАФОВ.